

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

АНТИСЕМИТСКИЕ МИФЫ ИЛИ НЕНУЖНАЯ ПРАВДА?

Двадцать третьего января 2017 года вице-спикер Госдумы и член правящей партии “Единая Россия” Пётр Толстой, комментируя многострадальную передачу Исаакиевского собора в управление Русской православной церкви, заявил, что **“люди, являющиеся внуками и правнуками тех, кто рушил наши храмы, выскочив из-за черты оседлости с наганом в 17-м году, сегодня, работая в разных других очень уважаемых местах – на радиостанциях, в законодательных собраниях, продолжают дело своих дедушек и прадедушек”**.

Эти несколько слов Петра Толстого вызвали настоящую лавину хулы, обвалившуюся на него чуть ли не по всем главным теле- и радиоканалам, со страниц крупных газет, а об интернет-сайтах и говорить нечего... Особенно мощный хор возмущённых голосов обрушился на Толстого с сайта “Московского бюро по правам человека”.

Точку зрения этой почтенной организации изложил директор бюро Александр Брод:

“Я не ожидал подобного от Петра Толстого. <...> Он заговорил на языке неоторых своих бывших “патриотично настроенных” героев токшоу. Толстой фактически озвучил антисемитские мифы о негативной роли евреев в истории Советской России”.

Президент “Российского еврейского конгресса” Юрий Каннер подхватил мысли Брода в комментарии “Медузе”: **“В России мало кто кроме интеллектуалов и евреев знает, что такое черта оседлости. Конечно, для евреев это звучит достаточно оскорбительно. Прежде всего потому, что это неправда”**.

Что есть “неправда” – существование черты оседлости или её разрушение в феврале 1917 года, Каннер не уточнил.

“Подобные заявления обычно приходится слышать от безответственных разжигателей антисемитских кампаний”, – заявил президент федерации еврейских общин России Александр Борода и добавил, что православные храмы разрушали в послереволюционную эпоху “те же рабочие и крестьяне, а не мифические “выскочившие из-за черты оседлости с наганами”.

Председатель Совета по правам человека при Президенте РФ Михаил Федотов горестно признался, что странно **“слышать от уважаемого парламентария высказывание, которое повторяет излюбленный тезис антисемитов**

о том, что революцию 1917 года делали евреи” <...> “Антисемитизм такая же позорная болезнь, как сифилис. В приличном обществе принято её скрывать, а не выставлять напоказ”.

После заявлений таких крупных идеологических тяжеловесов на правозащитный сайт выскочили функционеры помельче. Руководитель фракции “Яблока” Законодательного собрания С.-Петербурга Борис Вишневский назвал высказывания Толстого **“людоедскими”**.

Депутат Заксобрания Оксана Дмитриева обвинила несчастного в **“оскорблении памяти конкретных людей, которые воевали за Ленинград”**.

Посол Израиля в России Гарри Корен со вздохом констатировал: **“Это, конечно, разочаровывает”**.

Блогер Антон Носик окрестил вице-спикера **“националистом”**, **“духовным сыном Гитлера и Геббельса”** и добавил: **“Антисемитизм, служивший для нацистов важной духовной скрепой, не помог им победить СССР”**.

Оживился давно молчавший Виктор Шендерович: **“Судьба государства, которое вынимает из своих закромов антисемитизм, будет, уверяю вас, традиционно печальной”**.

Почувствовал наконец-то себя востребованным и Николай Сванидзе: **“Это воспринимается, как осознанное разжигание национальной розни” <...> “написано про “черту оседлости”, “А она ассоциируется со времён дореволюционной России понятно с кем, с евреями”**.

Президент федеральной еврейской национально-культурной автономии, член президентского совета по межнациональным отношениям В. Штернфельд был суров и беспощаден: **“Слова, сказанные с официальной трибуны <...> относятся ко всему народу”**.

Посол США в России Джон Тефт отозвался о скандале с американской деловитостью: **“Как показали недавние события, антисемитские мифы и теория заговора полностью не исчезли. К счастью, в случае необходимости лидеры российской еврейской общины готовы дать быстрый и решительный ответ”**.

Не все обличители Толстого были столь категоричны. Дмитрий Быков отозвался о реплике толстовского правнука с великодушной иронией, посмеиваясь и над Толстым, и над Федотовым, и вообще над “россиянами”: **“Антисемитизм часто сравнивают со стыдной болезнью, но у сегодняшних россиян он протекает в лёгкой, хронической, почти незаметной форме. Не то беда, что россияне не любят евреев, а в том, что им евреи по фигуре, как, собственно, и они сами”**.

Борис Горин, глава департамента общественных связей Федерации еврейских общин России, обвинил русскую церковь в **“безобразном отношении”** к прапрадеду Петра Толстого **“великому писателю земли русской Льву Николаевичу Толстому”**, **“преданному анафеме”**, и добавил, что в **“советской России было разрушено в процентном отношении синагог значительно больше, чем православных храмов”**.

Господин Горин или заблуждается, или говорит неправду. Во-первых, Толстого не **“предавали анафеме”**, Синод лишь установил, что Толстой **“сам себя отлучил от церкви”**. А, во-вторых, печально знаменитое письмо Ленина **“об изъятии церковных ценностей”** касалось лишь православных храмов и монастырей, и в нём ни слова не было ни о мечетях, ни о синагогах.

Но скандал, разрастаясь, вышел на международный уровень.

Реплика Петра Толстого повергла парламент Израиля в искреннее негодование: **“Когда перейдём к главному блюду с ритуальной кровью и мацой?”** – гневно спросила депутатша кнессета наша бывшая соотечественница Ксения Светлова (не путать с Натальей Светловой, вдовой Солженицына, почему-то объявленного нашими либералами “антисемитом”).

Бывший депутат Госдумы, сын крупного кагэбэшника, Дмитрий Гудков с удовлетворением констатировал, что у праправнука Льва Толстого **“поднять народ на чистки (то есть “погромы”. – Ст. К.) не получилось”**.

Многие блогеры требовали в интернете от властей завести уголовное дело на неосторожного вице-спикера, другие предлагали вмешаться в разборку самого Бастрыкина, третьи призывали депутатов Госдумы объявить Толстого **“нерукопожатным”** (что гораздо хуже, нежели **“анафема”**).

Словом, **“всё смешалось в доме Облонских”**, как сказал бы, глядя на эту вакханалию, великий прапрадед неосторожного праправнука.

А уж о газетах — что говорить! Их хлебом не корми, дай только “вложить персты” развязных папарацци в разверстые раны!

“Подобных высказываний в российском федеральном истеблишменте не было со времён генерала-антисемита А. Макашова, а на таком высоком уровне — руководство Госдумы — не было никогда” (“Аргументы недели”, № 5, 2017).

А это неправда. Полтора десятка лет тому назад более двадцати депутатов Госдумы от фракции “Родина” и КПРФ возмутились переизданием на русском языке древней, антихристианской, уничижительной по отношению к “гоям” книги “Шулхан Арух”. Скандал был крупным, вылившимся на газетные страницы, с сочинением коллективных писем. Но когда он стал невыгоден ни для депутатов, которых все СМИ дружно, как и сейчас, объявили антисемитами, ни тем более для защитников и поклонников “Шулхан Аруха”, скандал, чтобы не доводить дело до суда, кое-как замяли.

“Вице-спикер Госдумы Пётр Толстой недавно скандально заметил, что многие из тех, кто выступает против передачи Исаакиевского собора, будто бы определённой национальности” (“Комс. правда”, № 19, 2017).

“Толстой сам вышел из-за черты оседлости, из этого самого телевидения, но так как телевидение у нас влияет на всю страну, значит и вся страна находится за чертой оседлости” (“Моск. комсомолец”, № 31, 2017).

“В скандальной истории с передачей Исаакиевского собора РПЦ обнаружен еврейский след. <...> какой к чёрту след, если евреи во всём и виноваты” (“Вести”, одна из крупнейших русскоязычных газет Израиля).

Читаешь все эти яростные отповеди опешившему отпрыску толстовского рода, и поневоле закрадывается в голову коварная мысль: что-то есть подозрительное в этом единодушии. А где искать правду? Разве что в глубинах истории, в документальных свидетельствах очевидцев и вершителей эпохи, о которой так нехотят вспомнить Толстой, не приведший, к сожалению, подтверждений к своей голословной мысли о **“дедушках”** и **“прадедушках”**, выскочивших из-за **“черты оседлости”** с **“наганами”**.

И вот на тебе! Пламя снова вспыхнуло на холодном пепелище в результате нескольких легкомысленных слов вице-спикера Госдумы.

А как заманчиво и поучительно было бы устроить виртуальное противостояние нынешних возмущённых **“внуков и правнуков”** с их историческими противниками, оставившими документальные свидетельства **“о времени и о себе”**, о том, как разрушалась черта оседлости! В этом случае стало бы ясно, какие последствия принесла российской истории эта гигантская геополитическая катастрофа, какой горячий материал выплеснулся на пространство всей империи. Ведь черта оседлости была сооружением более серьёзным, нежели Берлинская, или мексиканская, или даже Китайская стена. Чтобы к подобной реконструкции событий невозможно было придаться даже Диме Быкову, мы вытащим на свет Божий суждения не каких-нибудь охотнорядцев или вождей Союза русского народа, а единокровных (но не единодушных!) с **“дедушками и прадедушками”** незаурядных исторических персонажей, побывавших в эпицентре революционного смерча.

В 1923 году в Берлине был издан (а в 2007-м переиздан в России) коллективный сборник видных деятелей дореволюционного “цивилизованного” (а не местечкового) еврейства И. Бикермана, Г. Ландау, И. Левина, Д. Пинского, В. Манделя и Д. Пасманика под названием “Россия и евреи”. Вот что писали они о своих собратьях, вырвавшихся из черты оседлости.

“Теперь еврей во всех углах и на всех степенях власти. Русский человек видит его и во главе Первопрестольной Москвы, и во главе Невской столицы, и во главе Красной Армии. Он видит, что проспект Св. Владимира носит теперь славное имя Нахимсона, исторический Литейный проспект переименован в проспект Володарского, а Павловск — в Слуцк. Русский человек видит теперь еврея и судьёй и палачом” (И. Бикерман).

“Поразило нас то, что мы всего менее ожидали встретить в еврейской среде — жестокость, садизм, насильничанье, казалось чуждое народу, далёкому от физической воинственной жизни; вчера ещё не умевшие владеть ружьём, сегодня оказались среди палачествующих головорезов” (Д. Пасманик).

В. Г. Короленко, собиравший в 1911 году подписи под письмом в защиту Бейлиса, считался по заслугам юдофилом. Однако в 1919 году, когда местечковые комиссары **“в пыльных шлемах”** показали себя во всей красе, он сделал в дневнике запись:

“Среди большевиков много евреев и евреек. И черта их – крайняя бестактность и самоуверенность <...> она особенно кидается в глаза в этом национальном облике”.

В полтавском ЧК он встретил **“товарища Розу”**. **“Это молодая девушка, еврейка, недурна собой, только не совсем приятное выражение губ. На поясе у неё револьвер в кобуре. Спускаясь по лестнице, встречаю целый хвост посетительниц. Они поднимаются к “товарищу Розе” за пропусками на свидание. Среди них узнаю крестьянок, идущих к мужьям-хлеборобам, и “дам”. Товарищ Роза на упрёк Прасковьи Семёновны (сестра супруги В. Короленко. – Ст. К.), что она запугивает допрашиваемых расстрелом, отвечает в простоте сердечной: “А если они не признаются?”** (В. Г. Короленко. Летопись жизни и деятельности 1917–1921. М., 1990, стр. 97).

По иронии судьбы Розалию Залкинд (Землячку), организовавшую расстрел многих тысяч русских офицеров, добровольно сдавшихся в плен в Крыму, тоже можно назвать **“товарищ Роза”**, как и **“товарища Раису”** из написанного рукой Эдуарда Багрицкого либретто оперы **“Дума про Опанаса”**, где всегда честный в своём оправдании революционного насилия поэт с удивлением, если не с ужасом, пишет о местечковой фурии гражданской войны:

*Она жестока́ до отказа.
Страданья её не смутят,
А ну-ка попробуй приказа
Не выполнить — будешь не рад.*

*Декреты, допросы, расстрелы,
Дела по изъятью зерна
Рукой молодой, загорелой
Подписывает она.*

В 1997 г. в России вышла книга Александра Каца **“Евреи. Христианство. Россия”**, о которой Вадим Кожин в своей книге **“Россия век XX 1901–1939 г.”** отозвался так:

“Автор упоминает группу евреев начальников ГУЛага – жестоких, энергичных... М. Бермана, С. Фирина, Л. Когана, Я. Раппопорта, С. Жука, и заявляет, что всегда “еврейский народ будет стыдиться имён своих преступных сыновей”.

Можно привести слова ещё одной **“товарища Розы”** из книги русского дипломата Г. Н. Михайловского (сына известного писателя Н. Гарина), которая объяснила ему, почему все **“чрезвычайки”** находятся в руках выходцев из черты оседлости: **“Эти русские мягкотелые славяне и постоянно говорят о прекращении террора и чрезвычайек. Мы, евреи, не даём пощады и знаем: как только прекратится террор, от коммунизма и коммунистов следов не останется”** (Г. Н. Михайловский. “Записки из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920 г. г. М., 1993, книга 2-я, стр. 176).

Выдающийся русский поэт Ярослав Смеляков в 60-х годах прошлого века написал стихотворение, героиней которого стала упомянутая выше Розалия Землячка-Залкинд, доживавшая свой век в писательском городке Переделкино. Стихотворенье называется **“Жидовка”** и впервые было опубликовано в журнале **“Новый мир”** в 1987 году под названием **“Курсистка”**. Но у Смелякова, конечно, это был обобщённый образ Фанни Каплан, Ларисы Рейснер, Евгении Бош, Софьи Гертнер, Ревекки Майзель, Инессы Арманд и прочих **“фурий революции”**:

*Прокламация и забастовка,
Пересылки огромной страны.
В девятнадцатом стала жидовка
Комиссаркой гражданской войны.*

*Ни стирать, ни рожать не умела,
Никакая не мать, не жена,
Лишь одной революции дело
Понимала и знала она.*

*Брызжет кляксы чекистская ручка,
Светит месяц в морозном окне,
И молчит огнестрельная штука
На оттянутом боку ремне.*

*Неопрятна, как истинный гений,
И бледна, как пророк взаперти,
Никому никаких снисхождений
Никогда у неё не найти.*

Картина, как говорится, маслом, глаз не оторвать. И “огнестрельная штука”, то есть “наган”, на месте. Очень хотелось бы, чтоб в неё вгляделись все, кто истерически осуждал наивную реплику Петра Толстого. Может быть, эти судьи вспомнят заодно о том, что Ярослав Смеляков, начиная с 1934 года и до начала 50-х, трижды побывал “в местах не столь отдалённых” по политическим статьям.

А вот что писала о вкладе местечковых функционеров в Советскую историю честная дочь еврейского народа из третьей эмиграции Соня Марголина в книге “Конец лжи. Россия и еврейство в XX веке”:

“В конце 20-х годов впервые немалая часть еврейских коммунистов выступила в сельской местности командирами и господами над жизнью и смертью. Только в коллективизации окончательно отчеканился образ еврея, как ненавистного врага крестьян — даже там, где до тех пор ни одного еврея не видали” (Соня Марголина, “Конец лжи. Россия и еврейство в XX веке”).

В числе чекистов, участвовавших в создании колхозов, был, к сожалению, и писатель Бабель, поведавший в 1930 году в автобиографическом очерке “Дорога” о том, как он поступил на службу в ЧК к комиссару внутренних дел коммуны Северной области Моисею Урицкому:

“Не прошло и дня, как у меня было всё — одежда, еда, работа и товарищи, верные в дружбе и смерти, товарищи, каких нет нигде в мире, кроме как в нашей стране. Так начиналась тринадцать лет назад превосходная моя жизнь, полная мысли и веселья”.

Позже Бабель писал, что он “принимал участие в кампании по коллективизации Бориспольского района Северной области”, и когда вернулся оттуда, то сказал Багрицкому: **“Поверите, Эдуард Георгиевич, я теперь научился спокойно смотреть на то, как расстреливают людей”** (С. Липкин. “Квадрига”, М., 1997). Багрицкий поверил.

А какой скандал поднялся в американской русскоязычной прессе, когда 20 июля 2007 года газета “Вечерний Нью-Йорк” опубликовала статью журналистки Виктории Мунблит о голодоморе, в которой была фраза куда похлеще толстовской: **“Должна ли Украина игнорировать существование Израиля и вообще евреев, памятуя, что большинство чекистов, когда-то организовавших голодомор на Украине, были евреями”.**

Конечно, американская еврейка Виктория Мунблит имела немалые основания для подобной трактовки истории. Вспомним хотя бы незабываемую встречу местечкового комиссара Когана и украинского крестьянина Опанаса в эпоху продразвёрстки, когда Коган сидит за столом в хате Опанаса, ужинает “житняком и мёдом” и требует от хуторян “выгребать из канавы спрятанное жито”.

*Ну, а кто подымет бучу —
Не шуми, братишка:
Усом в мусорную кучу,
Расстрелять и крышка!*

Поэтам такого масштаба, как Багрицкий, можно верить. Талант не позволяет им говорить неправду. Вторая волна “когановских репрессий” постигла

“украинских опанасов” в годы коллективизации. Эти волны не могли не породить ответный кровавый реванш со стороны западенцев-бандеровцев, внезапно, как из-под земли выросших на Львовщине и на Волыни чуть ли не на другой день после падения там Советской власти под ударами железного вермахта.

* * *

Из книги поэта-фронтовика Давида Самойлова (Кауфмана) “Памятные записки” (М., 1995, стр. 56): **“Через разломанную черту осёдлости хлынули многочисленные жители украинско-белорусского местечка, тут были многочисленные отряды красных комиссаров, партийных функционеров, ожесточённых, поднятых волной, одурённых властью... Им меньше всего было жаль культуры, к которой они принадлежали”**.

Самойлов хорошо знал этих людей, потому что во время Первой мировой войны его родственники сбежали к ним в Москву из оккупированной немцами Польши.

Культуры было не жаль, а церковей — тем более. А то что церкви рушила и русская молодёжь, то надо вспомнить, что она с середины 20-х годов прошла обучение в Союзе воинствующих безбожников, действовавшем по всей стране под руководством Емельяна Ярославского (Миняя Губельмана). В 1925 году возрастной ценз для вступления в Союз безбожников был снижен с 18 до 14 лет. Возраст хунвейбинов. **“У нас нет ни партии кадетов, ни партии меньшевиков, открыто действующих, но у нас есть партия мракобесов, объединённых в религиозные организации”**, — писал в 1935 году этот секретарь ЦК РКП(б), академик, автор биографий Ленина и Сталина. Но ещё за несколько лет до появления на исторической арене Емельяна Ярославского с его Союзом воинствующих безбожников честный свидетель эпохи Сергей Есенин в поэме “Страна негодяев” создал образ выходца из Могилёва, а в эмиграции **“гражданина из Веймара”** местечкового функционера Чекистова-Лейбмана, исходящего ненавистью и к России, и к русскому народу, и к православной вере:

*Странный вы народ!
Жили весь век нищими
И строили храмы божии.
Да я бы их давным-давно
Перестроил в места отхожие...*

Прототипом этого литературного героя был Лейба Бронштейн, он же Лев Троцкий. Так что Пётр Толстой не совсем уж неправ, когда вписывает нынешнюю судьбу Исаакиевского собора в контекст борьбы с православием, начавшейся в 20-е годы.

А теперь посмотрим, что писала о **“местечковых “дедушках”** человек нашего времени Евгения Альбац: **“Почему среди следователей НКВД-МГБ и среди самых страшных, в том числе, вообще было много евреев, меня, еврейку, интересует. От этого вопроса никуда не уйти. Да и не хочу я уходить”** (Е. Альбац. Мина замедленного действия. Политический портрет КГБ. М., 1997, стр. 129). Вот так-то, господа Сванидзе и Шендерович, не хочет Евгения Альбац **“уходить от этого вопроса”**. Более того, она додумалась до правильного ответа о том, что революция подняла на поверхность **“всё самое мерзкое... вынесла на простор отечества именно подонков народа, и в НКВД на эту кровавую работу пришли те, для кого она была возможностью самоутвердиться, ощутить свою власть”** (там же, стр. 130). Евгения Альбац спустя 60 лет приходит к тем же мыслям, которые мучили совесть честных евреев Д. Пасманика, И. Бикермана и других авторов книги “Россия и евреи”. Помнится, что поэт Наум Коржавин-Манделе в одной из своих статей тоже осуждал в 60-е годы жестокость своих соплеменников.

А вот ещё одно обнародованное не где-нибудь, а в государстве Израиль свидетельство реального, а не мифического существования **“местечковых голворезов”**, которые, увы, были не призраками и не выдумкою черносотенцев, погромщиков и прочих национал-патриотов: **“Главарями Октябрьской**

революции были авантюристы, полуинтеллигенты, недоучившиеся студенты и “экстерны”, духовный багаж которых состоял из набора пропагандистских брошюр марксистского толка” (В. Богусловский, израильский журнал “22”, 1980 г.) А сколько запоминающихся образов этих “главарей” было запечатлено не только Смеляковым, но и многими писателями советской эпохи! Чекистов воздвигали на пьедестал Михаил Светлов и Александр Безыменский, Арон Копштейн и Джек Алтаузен. Вы помните, Антон Носик, блистательную повесть одессита Валентина Катаева “Уже написан Вертер”? Кто там один из главных героев? – Правильно! Чекист Маркин из одесской “чрезвычайки”, носивший имя Наум Бесстрашный. Он “стоял в позе властителя, отставив ногу и заложив руку за борт кожаной куртки. На его курчавой голове был будённовский шлем с суконной звездой” <...> “У Маркина был неистребимый местечковый выговор, некоторые буквы, особенно шипящие, свистящие и цокающие, он произносил одну вместо другой, как бы с трудом продираясь сквозь заросли многих языков – русского, еврейского, польского, немецкого”.

Известный поэт Александр Межиров, прах которого не так давно был перевезён из Америки и захоронен в Переделкино недалеко от праха Землячки, знал, что его деда и прадеды жили в XIX веке в галицийском местечке Межирове. Вспоминая о своих родителях, он писал:

*Их предки в эпохе былой,
из дальнего края нагрянув,
со связками бомб под полой
встречали кареты тиранов.*

“Встречали” даже не с “наганами”, за что на Толстого обиделась вся “прогрессивная общественность”, а “со связками бомб под полой”! А сколько знаменитых террористов дала истории черта осёдлости: Мордка Багров, Яков Блюмкин, Яков Юровский, Шая Голощёкин, Фанни Каплан, Евно Азеф. А сколько известных писателей СССР носили псевдонимы, свидетельствующие о местечках, где они выросли: Минский, Львовский, Шкловский, Слуцкий, Ржевская, Могилевский, Гомельский, Смоленский и т. д. Февральская революция 1917 года отменила черту оседлости, и один из самых талантливых советских поэтов послереволюционной эпохи Эдуард Багрицкий (Дзюбин) в поэме “Февраль” так вспоминает об исходе местечковой молодёжи из своего добровольного гетто. Герой поэмы сразу вступает во все революционные организации, становится помощником комиссара, появляется в округе вооружённый до зубов, окружённый телохранителями:

*Я появлялся, как ангел смерти,
С фонарём и револьвером, окружённый
Четырьмя матросами с броненосца.
Моя иудейская гордость пела,
Как струна, натянутая до отказа.
Я много дал бы, чтобы мой пращур
В длиннополом халате и лисьей шапке,
Из-под которой седой спиралью
Спадают пейсы и перхоть тучей
Взлетает над бородой квадратной,
Чтоб этот пращур признал потомка
В детине, стоящем подобно башне,
Над летящими фарами и штыками
Грузовика, потрясшего полночь.*

Сказано с откровенностью человека, убеждённого в том, что местечковая власть пришла в Россию навсегда. Эдуарду Багрицкому, как и Сергею Есенину, как и Ярославу Смелякову, как и Александру Межирову, надо верить. Хотя бы потому, что тот же Смеляков сказал: “Ежели поэты врут, значит жить не можно”. Значит, так оно и было – и “наганы”, и “связки гранат под полой”, и грузовики с вооружёнными матросами, которых возглавляет вчерашний робкий местечковый юноша. И эту правду истории надо признать и Борде,

и Броду, и Шендеровичу с Быковым. Кем стали эти юноши из гетто, получившие власть над людьми, натянувшие на себя кожаные куртки? Об этом стоит спросить у аборигенов, представителей страны, протянувшейся к востоку от черты оседлости до океана. Приведём отрывки из воспоминаний и документов русских аборигенов, ставших или жертвами, или свидетелями деяний местечковых преобразователей жизни: **“Мардохейская история не умерла. Время от времени дикие мысли о массовой расправе “с врагами” обуревают еврейские мозги. Что это так, нам доказали евреи-коммунисты, которые уничтожали русскую интеллигенцию ничуть не хуже, чем Мардохей вырезал (под именем амановцев) персидский культурный класс”** (В. Шульгин. Что нам в них не нравится, Спб; 1992, стр. 154).

“Члены и председатель чрезвычайной следственной комиссии евреи и не скрывают, что арест мой и суд – лишь за старые мои обличительные статьи против евреев <...> они ищут не правды, а мести <...> умираю не за какие-либо преступления, а лишь за обличение еврейского народа, за то, что они истребляли своих пророков... Милые мои бесценные, прощайте!” (из письма известнейшего в дореволюционной России публициста М. О. Меньшикова, написанного перед гибелью своим родным и расстрелянного 20 сентября 1918 г. на глазах у детей возле своего дома на Валдае).

“Москва – местами Бердичев; сила еврейства ужасающая – а антисемитизм (и в коммунистических кругах) растёт неудержимо” (из письма академика В. И. Вернадского, написанного в 1927 году И. Н. Петрукевичу и опубликованному в “Новом мире”, 1989 г. № 12, стр. 219).

Ну как после всего этого не быть зловещему 1937 году! Впрочем – и Шульгин, и Меньшиков, и Вернадский – люди русского этноса, и вполне возможно, что их оценки деятельности “местечковых чекистов” пристрастны и продиктованы в какой-то степени антисемитскими мифами, в которые не без основания верили эти незаурядные русские люди, поэтому надёжнее верить свидетельствам честных евреев, когда они говорят о жестокости своих сполемеников. Они лишнего не напишут.

Наиболее взвешенно и объективно по сравнению с “хором осудивших” Толстого отозвался о происшедшем скандале Израель Шамир, российско-израильский писатель, переводчик и публицист: **“Бурлит общественность по поводу слов Петра Толстого. Мол, евреи рушили церкви при Ленине, а теперь протестуют против передачи Исаакиевского собора в ведение Русской Православной Церкви. “Махровый антисемитизм!” – возопили рукопожатные. Священники попытались перевести стрелки на злыхных большевиков. Сам Пётр Толстой не очень-то внятно попытался отыграть ситуацию, – мол, он говорил о выходцах из черты оседлости, а не о евреях, но большого впечатления не произвёл. То ли мы не знаем, кто жил в черте оседлости? Можно понять и попробовать объяснить суть спора.**

Исторически евреи всегда были против Христа и церкви. Не всегда с одинаковым пылом, но всегда одинаково рьяно, но всегда против. Когда еврей крестился, то его родные справляли по нём полный траур – как по покойнику.

При виде разрушенной церкви верующий еврей должен благословить Господа, низвергнувшего сие. Самый любимый и популярный еврейский манускрипт раннего средневековья – рассказ о блестящей победе Иуды над Христом. Это было давно, и сегодня касается лишь наиболее ретивых иудеев-фундаменталистов.

Сегодняшние евреи этих правил не знают, свинину едят, в синагоге не бывают и молятся не часто. Но неприязнь к церкви осталась. Она стала инстинктивной, её смысл уже неясен, но она унаследована как часть традиции. Было бы хорошо объяснить современным евреям, во что верили их предки, и как они относились к Христу и церкви, и почему конкурировали с церковью Христовой, считали себя настоящей церковью, а христиан – самозванцами. Они считали, что только у них есть доступ к Богу, а у гоев – нет.

Сегодняшние евреи – и евреи 20-х годов – редко это понимали и редко об этом задумывались, а поэтому не понимали и причины своей враждебности к церкви. Провели бы с ними сеанс психоанализа – глядишь, они бы перестроились, но проще бурчать об “антисемитизме”.

Евреи объясняют свою враждебность церкви – гонениями на евреев или отсталостью церкви, но не истинными причинами.

И поэтому в XX веке евреи, отошедшие от своей древней традиции, продолжали бороться с церковью, и поскольку в обществе всегда есть элементы, противостоящие церкви, евреи обычно находят себе место в этой среде.

В 20-е годы евреи – атеисты и коммунисты – участвовали в гонениях на церковь, и, возможно, составляли ядро антицерковного напора.

Но они равным образом выступали против католической церкви и во Франции конца XVIII – начала XIX века, хотя коммунизмом там не пахло. В современной Америке евреи участвуют в борьбе против молитв в школе, против празднования Рождества и против христианских символов. А уж американских евреев, капиталистов до мозга костей, в “ленинизме” не заподозришь.

Коммунизм не обязан быть антихристианским, хотя так считают митрополит Илларион и Емельян Ярославский. Были коммунисты, стремившиеся соединить эти две доктрины – например, покойный Роже Гароди, ведущий идеолог Коммунистической партии Франции.

Сегодняшние евреи – борцы против возвращения собора церкви – это либералы, которые унаследовали ненависть к церкви от своих отцов, так и не поняв её причин. Ленин тут ни при чём, да и черта оседлости ни при чём. Так что Пётр Толстой сделал тривиальное замечание, мол, евреи борются с церковью. Честные евреи ответили бы ему: “А то! Конечно, боремся, как нас учили отцы и деды”. А искренние евреи задумывались бы, что заставляет их, свободных людей, избавившихся от многих предрассудков, оставаться в плену антихристианских суеверий своих предков. Глядишь, отказались бы от суеверий и поздравили своих православных соседей с возвращением храма”.

А в заключение надо всё-таки ответить на роковой вопрос, независимо от того, на чьей стороне была правда – на стороне праправнука Л. Толстого или на стороне хора прогрессивных **“внуков и правнуков”**: стоило ли высказывать эту горькую правду и ворошить пепелище до такой степени, чтобы на нём снова вспыхнуло пламя?

Ответить на этот вопрос нам помогает Василий Васильевич Розанов в своих размышлениях о “ненужной правде”.

* * *

Перечитывая “Опавшие листья” Василия Розанова, я набрёл на одну его необыкновенно глубокую мысль о русской истории:

“Есть несвоевременные слова. К ним относятся Новиков и Радищев. Они говорили правду и высокую человеческую правду. Однако если бы эта “правда” расплзлась в десятках и сотнях тысяч листов, брошюр, книжек, журналов по лицу русской земли – доползла бы до Пензы, до Тамбова, Тулы, обняла бы Москву и Петербург, то пензенцы и туляки, смоляне и псковичи не имели бы духа отразить Наполеона.

Вероятнее, они призвали бы “способных иностранцев” завоевать Россию, как собрался позвать их Смердяков, так же Карамзин не написал бы своей Истории. Вот почему Радищев и Новиков хотя говорили “правду”, но – ненужную, в то время – не нужную. И их, собственно, устранили, а словам их не дали удовлетворения. Это – не против мысли их, а против распространения этой мысли. Вольно же было Гутенбергу изобретать свою машину. С тех пор и началось “стеснение свободы мысли...”

Боже мой, как всё повторяется в русской истории! Ведь и у Курбского в его письмах к Ивану Грозному была **“правда”**, но несвоевременная.

А сколько **“несвоевременной правды”** было в “философическом письме” Чаадаева? Не потому ли Александр Пушкин, не соглашаясь с главными чаадаевскими мыслями, тем не менее в своём знаменитом ответном неотправленном письме старшему другу нашёл интонацию, исполненную чрезвычайного уважения. Однако **“правда”** Радищева была для него настолько **“несвоевременна”**, что в оценке радищевской правды Пушкин был беспощаден:

“Он есть истинный представитель полупросвещения. Невежественное презрение ко всему прошедшему, слабоумное изумление перед своим веком, слепое пристрастие к новизне, частные поверхностные сведения, наобум приуроченные ко всему, – вот что мы видим в Радищеве”. Впрочем, эти слова Пушкин написал уже после нашей победы над Наполеоном.

Осуждение герценовской западно-либеральной правды Достоевским становится понятным, потому что “несвоевременность” Герцена для Фёдора Михайловича была вопиющая: **“Герцен не эмигрировал, не полагал начало русской эмиграции; – нет, он так уж и родился эмигрантом. Они все, ему подобные, так прямо и рождались эмигрантами, хотя большинство их и не выезжало из России”.**

Эта мысль Достоевского жива и по сегодня, как будто сказанная о нашей “пятой колонне”. Да что говорить! Даже в гневном письме Фёдора Раскольникова Сталину есть искорки правды, но если бы она, говоря словами Розанова, дошла **“до Пензы, до Тамбова, Тулы <...> то пензенцы и туляки не имели бы духа отразить”** – и тут вместо **“Наполеона”** надо поставить – **“Гитлера”**...

Чем дальше в лес – тем больше дров... Скажу еретическую мысль, что такого рода “правда” иногда высвечивалась и на Болотной площади, но её воплощение в жизнь неизбежно толкнуло бы нынешнюю Россию в новую смердяковщину к приглашению **“способных иностранцев завоевать Россию”**.

Вполне возможно, что правда о **“дедушках”** и **“прадедушках”**, о **“черте оседлости”** и **“наганах”** не нужна и даже опасна для сегодняшнего российского общества, что она принадлежит к тому сорту правды, о которой сложены русские пословицы **“кто старое помянет – тому глаз вон”** и **“не буди лихо, пока оно тихо”**... Может быть. Но именно об этом – о нецелесообразности такой правды надо было честно сказать всем, кто осыпал дешёвой бранью Петра Толстого. История, как говорится, один раз является в виде трагедии, а повторяется в виде фарса, о чём вспоминаешь, глядя на нынешние украинские страсти, воскресившие в карикатурном виде вражду хуторянина Опанаса и комиссара Когана. Во времена гражданской войны Опанасу всё было ясно: **“Бить жидов и коммунистов – лёгкая работа”**. Но застрелил Опанас Когана и сам попал в руки “штабного” комиссара из Балты. А сегодня как помирить потомков Когана и Опанаса, если на руках их предков столько крови? Разве что придумать какую-то взаимную амнистию? Свято место пусто не бывает. Утаишь правду о “наганах” – и на её место тут же усядется неправда о том, что никакого местечкового нашествия из-за черты оседлости в годы революции и в помине не было.

Но ведь кроме примиряющих мудрых русских пословиц, есть ещё одна – античная, то ли римская, то ли греческая, гласящая, что **“даже Боги не могут бывшее сделать не бывшим”**. Говорят, что именно эту пословицу не раз вспоминал Иосиф Сталин.